

М. С. Кищенко

Европейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии

В статье рассматривается положение диаспор европейского происхождения на территории Ярославской губернии в период Первой мировой войны. Анализируется их возникновение и организация, взаимодействие различных диаспор между собой и их стремление к сохранению национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная диаспора, национальная идентичность, немцы, поляки, латыши, литовцы, организация, взаимодействие, религиозная община.

M. S. Kishchenkov

The European Diasporas in the Days of the World War I in the Territory of the Yaroslavl Province

In the article the position of the European origin diasporas in the territory of the Yaroslavl province during the World War I is considered. Is analyzed their origin and organization, interaction of various diasporas among themselves and their desire to save the national identity.

Keywords: a national diaspora, national identity, the Germans, the Poles, the Latvians, the Lithuanians, organization, interaction, a religious community.

События Первой мировой войны оказали серьезное влияние на социально-экономическое и политическое развитие России. Влияние военных действий испытали и представители населявших Российскую империю нерусских народов. Положение ряда диаспор претерпело за годы войны серьезные изменения.

В довоенный период в национальном составе населения Ярославской губернии преобладало русское население, диаспоры европейского происхождения были немногочисленными. Наиболее крупными являлись немецкоязычная и польская диаспоры, насчитывавшие примерно 1 % от численности населения Ярославля [1]. В целом обе диаспоры перед началом войны были частью социальной структуры губернии, при этом наиболее прочные позиции занимали немцы, имевшие с эпохи петровских реформ привилегированное положение. Привилегированность положения немцев выражалась в занятии ими высоких постов в системе управления, военных структурах, социальной сфере (медицине и образовании), торговле и предпринимательстве.

Данная ситуация стала меняться в период Первой мировой войны, что было связано с появлением беженцев на территории Ярославской губернии из Царства Польского и губерний Се-

веро-западного края, выселением подданных Германии и Австро-Венгрии из крупных городов в провинцию, а также с началом кампании по борьбе с немецким засильем. Эти события привели как к появлению новых, так и к изменению численности, состава и положения уже существовавших до войны диаспор европейского происхождения.

Наиболее крупной и значимой среди бывших до начала Первой мировой войны на территории Ярославского края диаспор была немецкоязычная диаспора. Война с Германией и Австро-Венгрией привела к возникновению в России антинемецкой кампании, направленной на борьбу с внутренним врагом в лице немецкой диаспоры, пресечению попыток помощи враждебным государствам и ликвидации имевшихся в экономической сфере немецких капиталов и предприятий, ограничению немецкого влияния в социально-политической сфере путем увольнения лиц, имевших немецкое происхождение.

Правительство проводило политику интернирования немецких и австрийских подданных и высылки их с театра военных действий [2]. Ярославская губерния также стала местом распределения немцев прифронтовых губерний, оказавшихся в роли вынужденных переселенцев. Прак-

тически все они находились под контролем полиции по причине возможной неблагонадежности и могли рассчитывать только на помощь местной немецкой диаспоры. Первые подобные операции по выселению немцев проводились в 1914 г. Так, вице-губернатор Варшавской губернии Грессер сообщал ярославскому губернатору: «Мною отправлено во вверенную Вам губернию 221 семейство в составе 602 лиц, выселенных по обстоятельствам военного времени из Варшавской губернии» [3]. Практически все выселенные были немцами по национальности, придерживающимися евангелического вероисповедания [4].

В 1915 г. в Ярославскую губернию были переселены еще 79 немцев [5]. На протяжении войны проходило выселение в Ярославскую губернию немецких подданных небольшими партиями, а также поодиночке. Общую численность интернированных в губернии можно определить примерно в 1000 человек [6].

В период войны с Германией у многих видных членов немецкой общины появилась новая роль – предоставление помощи соотечественникам, оказавшимся в это время в трудном положении. При осуществлении политики российского правительства по принудительному выселению немцев из прифронтовой полосы и крупных городов в провинциальные губернии перед международными организациями (Красный Крест, Международное бюро мира) встала задача по оказанию помощи немецкой диаспоре в России. Ярославская губерния находилась в сфере действия генерального консульства США в Москве. В качестве помощников выбирались, как правило, представители немецкоязычной диаспоры. Так, один из сотрудников консульства сообщал: «Я до сих пор пользовался в некоторых из подведомственных моему региону губерниях услугами лютеранских и римско-католических священников, которым я высылал деньги для распределения между нуждавшимися» [7]. В Ярославской губернии в 1914–1915 гг. эту роль выполнял пастор лютеранской общины К. Кенигсфельдт. Ему переводились денежные средства, и он распределял их среди нуждавшихся немецких и австрийских подданных. К примеру, генеральный консул отправил «почтовый перевод в сумме 115 рублей» [8] для девяти подданных Германии, оказавшихся на территории Ярославской губернии. Подобные мероприятия были не единичными. В 1915 г., в связи с усилением антинемецкой кампании, русское правительство запретило передавать деньги немец-

ким священникам. В июле 1915 г. американский консул писал губернатору Д. Н. Татищеву: «Пастор Кенигсфельдт не может исполнять обязанности, и я обращаюсь к Вашему Сиятельству с просьбой сообщить мне, кого бы я мог найти в Ярославле как заместителя пастора Кенигсфельдта для исполнения моих поручений» [9]. Вскоре был создан специальный комитет из восьми человек для оказания помощи немецкоязычной диаспоре. Его возглавили бывший полицмейстер Доливо-Добровольский и статский советник Арсеньев, а с 1917 г. эту функцию взяло на себя шведское посольство [10].

Таким образом, немецкая диаспора, несмотря на действия российских властей, смогла сохранить внутреннее единство и наладить оказание помощи своим соотечественникам.

Большое влияние оказала война на польскую диаспору, она способствовала появлению на территории Ярославской губернии двух новых диаспор европейского происхождения – латышской и литовской. Военные действия привели к тому, что в губернии в 1914–1916 гг. оказалось значительное число беженцев из западных губерний. К 1916 г. численность беженцев составила около 15 тысяч человек. Наиболее крупными оказались три национальные диаспоры: польская (5746 чел.), латышская (2630 чел.), литовская (2092 чел.) [11]. Каждая из указанных диаспор была вынуждена самоорганизоваться на новом месте жительства и принять меры для сохранения национальной идентичности.

Польская диаспора, благодаря наличию в губернии своей общины еще до начала Первой мировой войны, в наибольшей степени смогла организовать и сохранить национальное единство. Был создан особый комитет, занимавшийся помощью беженцам. Во главе комитета оказались видные представители польской общины. Среди них были профессор Демидовского лицея Д. Орженский и занимавший до оккупации немецкими войсками Царства Польского пост мирового судьи в Плоцкой губернии А. Мокриевский. Главной задачей комитета была помощь беженцам, выдача денежных пособий, поиск жилья, а также трудоустройство на новом месте. Активно сотрудничали с беженцами представители существовавшей в губернии католической общины, возглавляемой М. Токаржевским. Был создан приют для детей беженцев, находившийся в Ярославле в здании католической общины, оказывалось всяческое содействие полякам в плане поиска жилья и трудоустройства [12].

Появление в губернии значительного числа лиц польской национальности, находившихся до войны в состоянии конфликта с российским правительством (представители польской общности требовали автономии Польши, что было неприемлемо для властей Российской империи), не осталось незамеченным для полицейских структур. Несмотря на попытку найти в лице польской диаспоры союзников в борьбе с Германией, власти предпочитали держать беженцев под контролем и пресекать возможные оппозиционные и антиправительственные настроения. В связи с этим достаточно острым был вопрос о национальной самоидентификации оказавшихся в Ярославской губернии представителей национальных диаспор и о взаимодействии между их представителями.

Так, беженцы из Польши Сигизмунд и Ян Гурские находились в контакте с семейством Каатц. Я. Гурский, студент Демидовского юридического лицея, планировал жениться на дочери Р. Каатца, Марии Каатц, и само семейство Каатц не возражало против этого брака [13]. Но один из близких к Каатцам ярославский немец А. фон Свейковский резко выступил против данного брака, так как Я. Гурский якобы хочет жениться исключительно из материальных соображений и рассчитывает на богатое приданое. В беседах с семейством Каатц А. фон Свейковский неоднократно высказывал свои предположения, однако не смог добиться положительного для себя результата: брак между Гурским и дочерью Р. Каатца был все-таки заключен. Это привело к конфликту фон Свейковского с семейством Гурских и отчасти послужило поводом для доноса С. Гурского в жандармское управление о русофобских высказываниях и взглядах А. фон Свейковского.

В данном деле интересен факт обострения проблемы национальной самоидентификации. Жандармы, расследуя донос С. Гурского, отмечали, что А. фон Свейковский «считал себя коренным немцем, а во время войны стал выдавать себя за поляка» [14], ведя в польской среде разговоры о том, что «поляков может спасти только Германия», и упрекая поляков в том, что они «зря связались с русскими», так как войну с Германией и Австро-Венгрией Россия неизбежно проиграет [15]. Однако попытка войти в доверие к польской диаспоре А. Свейковскому не удалась, и он был отправлен полицейскими властями в ссылку за русофобские высказывания.

Латышская диаспора также предпринимала попытки самоорганизации в новых условиях, так

как, по мнению английского исследователя П. Гатрелла, тесные взаимосвязи между латышами служили «основой сопротивления их рассеиванию» [16]. Лидеры латышской общины призвали не допустить диссеминации своего народа в русских губерниях, опасаясь появления диаспоры, подобно еврейской, не имеющей своего государства и рассеянной по всей Европе. В Петрограде был сформирован Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, одним из лидеров которого стал видный латышский политик и общественный деятель Я. Голдманис. Главной задачей комитета стало сохранение культурной и национальной идентичности латышей во время проживания в русских губерниях.

Необходимо отметить, что значительную роль в адаптации латышей к жизни в инокультурной среде сыграла местная протестантская община, взявшая на себя, кроме заботы о немецкоязычной диаспоре, помощь латышам-лютеранам.

Всеми организационными делами в Ярославской губернии занимался Латышский комитет по оказанию помощи беженцам-латышам. Он располагался в Ярославле и действовал под руководством Ф. В. Нейланда, работавшего до этого заведующим испытательной лабораторией молочного хозяйства губернии [17]. Функционировало и местное отделение общероссийского комитета «Родина». Его руководителем стал Розенталь, оказывавший всяческую помощь латышским беженцам. Ему удалось организовать в Ярославле швейную мастерскую, где работали беженцы из латвийских губерний. Большинство беженцев были представителями рабочих профессий, поэтому при помощи своих национальных организаций и Бюро Труда значительная часть латышской диаспоры смогла найти работу. В Рыбинске был создан специальный комитет помощи латышам-беженцам. Именно Рыбинск стал местом наибольшего сосредоточения латышской диаспоры. К 1917 г. в Рыбинске насчитывалось около 3500 латышей, в Ярославле – около 2600 и примерно 1500 латышских беженцев нашли себе приют в уездах губернии [18].

Кроме национальных организаций, активную помощь оказывали и частные лица. Например, семейство предпринимателей Вахромеевых организовало на своей даче приют для детей беженцев, в котором проживали около 60 латышей [19].

В Ярославской губернии функционировали три школы для латышских беженцев. Для сохра-

нения национальных традиций латышские организации создавали в крупных городах специальные клубы, где представители латышской диаспоры могли общаться друг с другом. Помощь латышам оказывали не только государственные органы, но и латышские общественные организации. Власти также не оставляли латышских беженцев без контроля, осуществляя за ними наблюдение и высылая наиболее подозрительных лиц за пределы губернии.

В целом латышская диаспора находилась в сходном с польской диаспорой положении. В критической ситуации латыши смогли скоординировать свои действия для оказания необходимой помощи и не допустить процессов ассимиляции с местным населением, сохранить свою национальную идентичность в новых условиях. Следующим важным шагом представители латышской диаспоры считали организованное возвращение на историческую родину [20].

Свою деятельность в Ярославской губернии организовывала и Литовская диаспора. Координационную работу принял на себя Литовский комитет, ставший организатором диаспоры в Ярославской губернии. В целом, по уровню организации, после поляков, литовцы были наиболее организованной диаспорой. При Литовском комитете было открыто специальное ремесленное училище, занимавшееся обучением подрастающего поколения беженцев рабочим профессиям. При комитете создавались разного рода предприятия, позволявшие литовцам обеспечивать себя в материальном плане. Были созданы переплетная мастерская, прачечная, иные предприятия. Литовская диаспора занималась рекламой имевшихся в ее распоряжении трудовых ресурсов: «Литовский комитет предлагает опытных управляющих имениями, приказчиков, сельскохозяйственных рабочих, кузнецов, слесарей, чернорабочих, разную женскую прислугу» [21]. Однако активное внедрение национальных диаспор в производственную жизнь Ярославской губернии вызывало определенное раздражение в местной рабочей среде: беженцы «предлагают свой труд за половину той цены, за которую местные рабочие раньше беженцев подрядились выполнять ту или иную работу, вследствие чего коренные рабочие бывают поставлены в необходимость – или работать на таких же условиях, как беженцы... или же приискивать работу в других местах» [22].

В Ярославле организовывались школы для литовских детей и специальные образовательные

курсы, которые посещали не только подростки, но и взрослые. Всего в Ярославле было две литовские школы. В Полушкиной Роще, вместе с упоминавшимися четырьмя польскими приютами, был организован один литовский приют для детей, потерявших родителей. При этом, несмотря на экономические и хозяйственные трудности, в детских приютах в рацион включали мясные и молочные блюда, организовывали ученические классы и небольшие библиотеки [23]. Католическая община губернии оказывала материальную помощь и способствовала сохранению конфессионального единства литовцев, помогала в организации контактов с польской диаспорой. В ярославском костеле в период войны находилось общежитие, где совместно проживали польские и литовские семьи, причем и после окончания военных действий костел был общим домом для оставшихся в Ярославле поляков и литовцев. Таким образом, можно говорить о взаимодействии двух диаспор, связанных общностью религии и традиций.

Появление беженцев и переселенцев способствовало резкому усилению процесса консолидации национальных диаспор и привело к конструированию и поддержанию их собственной национальной идентичности.

Подводя итог, необходимо отметить, что события Первой мировой войны привели к изменению национального состава населения Ярославской губернии. В губернии появились две новые диаспоры – латышская и литовская, значительно выросла численность польской и претерпела изменения немецкая диаспора. При этом члены последней диаспоры, оказавшись в условиях развязанной против них антинемецкой кампании, вынуждены были предпринимать меры для сохранения своего положения в обществе. Диаспоры, образовавшиеся в результате переселения беженцев из оккупированных территорий, несмотря на помощь общественных организаций, вынуждены были предпринимать меры по сохранению своей национальной идентичности и недопущению процесса ассимиляции с местным населением. В целом национальные диаспоры беженцев смогли не допустить начала ассимиляции. Большую роль сыграли в этом религиозные общины католиков и протестантов. Католическая община взяла на себя заботу о поляках и литовцах, а протестантская – о немцах и латышях. Таким образом, несмотря на серьезные трудности, национальные диаспоры европейского происхо-

ждения смогли организовать и продолжить свое существование в Ярославской губернии.

Примечания

1. Ольева, О. В. Повседневная жизнь провинциального города в 1917 г. (по материалам Ярославской губернии) [Текст] : дис. ... канд. истор. наук. – Ярославль, 2005. – С. 75; Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [Текст]. – Ярославль, 1996. – С. 252.

2. Нелипович, С. Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника [Текст] / С. Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 2. – С. 60–69.

3. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 8. – Д. 44. – Л. 26.

4. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 8. – Д. 44. – Л. 38–46 об.

5. См: Савинский, Д. Беженцы в Ярославской губернии [Текст] / Д. Савинский. – Ярославль, 1916. – С. 10.

6. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 8. – Д. 44. – 46 об.

7. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 4763. – Л. 4.

8. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 4763. – Л. 4.

9. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 7511. – Л. 1.

10. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 880. – Л. 1.

11. Попинова, М. В. Организация помощи беженцам Первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского Комитета помощи беженцам) [Текст] / М. В. Попинова // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2000. – С. 93.

12. Баршевская, И. И. Старые дома рассказывают: неизвестное об известном [Текст]. – Ярославль, 2004. – С. 9–11.

13. ГАЯО. – Ф. 906 – Оп. 4 – Д. 182 – Л. 11 об.

14. ГАЯО. – Ф. 906 – Оп. 4 – Д. 182 – Л. 11.

15. ГАЯО. – Ф. 906 – Оп. 4 – Д. 182 – Л. 11.

16. Гатрелл, П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны [Текст] / П. Гатрелл // Исторические записки. – 2001. – № 4. – С. 61–62.

17. Критский, П. А. Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1916 г. [Текст]. – Ярославль, 1916. – С. 58.

18. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 7504. – Л. 63.

19. Критский, П. А. Указ. соч. – С. 58.

20. См: Шалда, В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. [Текст] / В. Шалда // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). – М., 2002. – С. 60–84.

21. Критский, П. А. Указ. соч. – С. 58.

22. Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории [Текст] – Ярославль, 2001. – С. 98.

23. Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Выпуск 3 [Текст]. – Ярославль, 1916. – С. 72–77.